

ФРАНЦ ЗЕГЕР

КИЕВСКИЙ ПАСЬЯНС

РОМАН

Франц Зегер

Киевский пасьянс

«Автор»

2026

Зегер Ф.

Киевский пасьянс / Ф. Зегер — «Автор», 2026

Киев. Наши дни. Австрийский инвестор Томас Ланге приезжает обсуждать сделку на десятки миллионов евро. Инвестиционный проект реален. Деньги на счетах — настоящие. Биография — безупречная. Проблема в том, что Томаса Ланге не существует. Но у человека, который носит это имя, есть задача — подобраться к президенту достаточно близко, чтобы операция, которой официально не существует, стала возможной. Легенда оттачивалась девять лет. Время, отпущенное на её воплощение, стремительно заканчивается. В Киеве уже работает кто-то ещё — с собственным планом, в котором Ланге не исполнитель, а фигура, которой готовы пожертвовать. А рядом — женщина, которая не знает, какой из игроков подойдёт к ней первым. Она - капитан СБУ. Президентский протокол. Сестра человека, который должен четверть миллиона не тем кредиторам. «Киевский пасьянс» — современный шпионский роман о легендах, контрразведке и игре, в которой ни один из игроков не видит всей доски.

© Зегер Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сухой мартини и кастинг на главную роль	5
Глава 2. Ложь вокруг пр	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Франц Зегер

Киевский пасьянс

Глава 1. Сухой мартини и кастинг на главную роль

ОТ АВТОРА

«Киевский пасьянс» — художественное произведение. Персонажи и сюжетные операции вымышлены. Реальные названия государств, городов, организаций и торговых марок используются исключительно как элементы художественного мира романа.

В пасьянсе нет противника. Есть только карты, которые тебе достались.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВХОД

АКТ I. ЗАДАНИЕ

Понедельник, 10:00. Москва

В десять утра генерал-майор Воронов налил в смесительный стакан джин.

Артём Куприянов посмотрел на бутылку, потом на генерала и понял, что день испорчен.

— Если это завтрак, Алексей Николаевич, у вас начались проблемы.

— Если бы у меня начались проблемы, — сказал Воронов, — пил бы ты.

— Я как раз к этому и веду.

Воронов не улыбнулся.

Это было хуже всего.

Кабинет выглядел так, будто последние сорок лет здесь меняли людей, но не мебель. Дубовый стол. Два глубоких кресла для посетителей — слишком удобных для допроса и слишком неудобных для отдыха. Кремлёвский телефон. Тяжёлые шторы. На стене — карта, которую никто из нормальных людей не стал бы держать на стене просто ради интереса.

Артём сидел, положив ногу на ногу, и наблюдал, как его куратор готовит мартини.

Не секретарь.

Не помощник.

Сам.

Воронов добавил сухой вермут, поднял смесительный стакан к свету, критически оценил результат и принял решение, которое, судя по выражению лица, далось ему легче, чем решение вызвать Куприянова на Лубянку к десяти утра.

— Лимон или оливка?

— Лимон.

— Я помню.

— Тогда зачем спрашивать?

— Проверяю, не испортился ли ты за границей.

Артём посмотрел на свои брюки от Henry Poole. Они сидели ровно настолько хорошо, чтобы человек, не знающий их цены, никогда о ней не задумался.

— За границей меня портят гораздо качественнее.

На этот раз угол рта Воронова едва заметно дёрнулся.

Вот теперь становилось совсем плохо.

Артём взял бокал.

Мартини был очень сухим, очень холодным и приготовленным правильно.

У Воронова вообще была неприятная привычка всё делать правильно перед тем, как предложить что-нибудь неправильное.

— Куда? — спросил Артём.
— С чего ты решил, что куда-то едешь?
— Вы сами приготовили мне мартини.
— И?
— В прошлый раз после этого я два месяца жил под фамилией человека, которого не существовало.
— Он существовал.
— До моего приезда — только в налоговой базе.
Воронов сел напротив.
— Хорошая была легенда.
— Отличная. Особенно жена.
— У тебя не было жены.
— Вот этим она и была хороша.
Он отпил мартини.
Воронов смотрел на него поверх сцепленных пальцев.
Артём поставил бокал.
— Насколько всё плохо?
— Почему сразу плохо?
— Потому что если всё хорошо, вы отдаёте приказ по телефону. Если всё средне — вызываете меня и предлагаете кофе. Если всё плохо — наливаете виски.
Воронов молчал.
Артём посмотрел на бокал.
— А мартини, выходит, новая категория?
— Да.
— Какая?
Генерал откинулся на спинку кресла.
— Та, в которой лучше сначала выпить.
Несколько секунд в кабинете было слышно только тихое гудение кондиционера.
Артём взял бокал снова.
— Я весь внимание.
Воронов не стал начинать с оперативной обстановки, международного положения или слов «как тебе известно».
Он просто сказал:
— Нам нужен президент Украины.
Артём сделал ещё один глоток.
Мартини действительно был очень хорош.
— Целиком?
— Желательно.
— Уже легче.
Воронов смотрел на него без тени улыбки.
Артём медленно поставил бокал на стол.
— Живым?
— Обязательно.
Вот теперь шутка закончилась.
Не потому, что задача была опасной.
Опасных задач Куприянов видел достаточно.
Проблема заключалась в глаголе.
Не устранить.
Не сорвать.

Не получить доступ.
Не завербовать человека из окружения.

Забрать.

Президента воюющей страны.
Живым.

Артём чуть подался назад и впервые с момента входа в кабинет перестал смотреть на Воронова как на старого куратора.

Теперь перед ним сидел генерал Управления «С» — подразделения внешней разведки, работавшего с нелегалами.

— Куда?
— В Москву.
— Разумеется.
— Для открытого суда.
Артём некоторое время смотрел на него.

Затем взял бокал.

— Алексей Николаевич.
— Что?
— Теперь я понял, зачем мартини.
— Наконец-то.
— Нет. Пока только половину.
— А вторую?

Артём отпил и посмотрел на генерала поверх края бокала.

— Вторую вы мне сейчас расскажете.

Воронов наконец потянулся к лежавшей справа тонкой серой папке.

На обложке не было ни грифа, ни номера.

Только фотография.

Мужчина лет сорока с лишним сидел в глубоком кресле в сером спортивном костюме Logo Piana. Ткань стояла как чужая месячная зарплата и выглядела так, будто он спал в ней несколько суток. Лицо отёчное, под глазами тёмные мешки. Взгляд камеры он либо не заметил, либо ему уже было всё равно.

Артём посмотрел на снимок.

Владислав Зеленин.

Президент Украины.

Человек, которого ему предстояло похитить.

Воронов сказал:

— Теперь поговорим о том, почему это вообще возможно.

И вот тогда Артём понял, что мартини был только началом.

Воронов раскрыл папку.

— Возможность появилась не вчера, — сказал он. — И не позавчера.

Артём продолжал смотреть на фотографию.

— Надеюсь.

— Почему?

— Если идея украсть президента Украины пришла вам в голову сегодня утром, я допью мартини и пойду домой.

— А если год назад?

— Тогда допью и останусь.

Воронов придвинул к нему папку.

Под фотографией Зеленина лежала схема. Не карта операции — до неё было ещё далеко. Несколько фамилий, должностей, линий подчинения. Президентский аппарат. Служба безопасности. Протокол. Административный персонал. Медицинский контур.

Артём не стал брать лист в руки.

Сначала посмотрел целиком.

Потом — ещё раз.

— Сколько?

— Что?

— Сколько вы это готовили?

— Достаточно.

— Ненавижу генеральские единицы измерения.

— Поэтому ты капитан.

— Я думал, из-за характера.

— Характер тоже мешает.

Артём взял лист со схемой, разгладил край ладонью и положил обратно. Пальцы задержались на одной из линий — от охраны к протоколу.

Артём провёл взглядом по схеме.

Если убрать фамилии, всё выглядело почти банально. Любой человек, которого охраняют достаточно долго, в конце концов оказывается внутри системы. Чем важнее человек, тем больше система. Водители, врачи, охрана, помощники, повара, связисты, протокол, технический персонал. Каждый новый слой должен был усиливать безопасность.

И каждый новый слой добавлял ещё одного человека, который однажды мог открыть не ту дверь.

— Вы искали вход, — сказал Артём.

— Мы искали возможность.

— Это одно и то же, если вход хороший.

— Поэтому ты здесь.

Воронов перевернул лист.

— Операция прорабатывалась давно. Разные варианты. Большинство отправили в мусор.

— Какие?

— Те, которые ты сейчас начнёшь предлагать.

— Очень удобно.

— Экономит время.

— Военная операция?

— Нет.

— Смена охраны?

— Нет.

— Маршрут?

— Ненадёжно.

— Медицинский контур?

Воронов ничего не ответил.

Артём поднял глаза.

— Уже интереснее.

— Я не говорил, что медицинский.

— Вы и про маршрут не говорили. Но там вы ответили сразу.

Генерал вздохнул.

— Иногда я жалею, что тебя учили думать.

— Меня не учили. Это врождённый дефект.

Воронов достал ещё один лист.

— Нам не нужен штурм. Не нужна перестрелка в резиденции. Не нужен труп президента. И особенно нам не нужна операция, после которой весь мир увидит российскую группу на украинской территории.

— То есть президент должен сам оказаться там, где мы сможем его взять.

— Именно.

— И желательно считать, что делает это по собственной воле.

Воронов посмотрел на него внимательнее.

— Именно поэтому ты здесь.

Артём снова посмотрел на схему.

Теперь она начала приобретать смысл.

Не военный.

Человеческий.

Чтобы вытащить человека из крепости, не обязательно ломать стену. Иногда достаточно убедить его, что снаружи безопаснее.

— Кто ключ?

Воронов вытащил фотографию.

Женщина стояла у открытой двери чёрного автомобиля и слушала мужчину, которого снимок обрезал по плечо. Тёмные волосы. Строгий костюм. Никакой демонстративной красоты, хотя камера всё равно её заметила. Она не смотрела на собеседника прямо — взгляд был чуть в сторону, на отражение в стекле машины.

Артём задержался на этом.

— Она видит фотографа?

— Не знаем.

— Видит.

— Почему?

— Потому что не смотрит на него.

Артём взял снимок, повернул к свету. Лицо было спокойным, даже слишком спокойным — выражение человека, который научился не показывать, что думает.

Воронов чуть прищурился.

— Алесьа Полякова. Тридцать три. Капитан СБУ — Службы безопасности Украины. Президентский протокол.

— Протокол или охрана?

— Протокол.

— Тогда почему капитан?

— Потому что протокол президента там давно перестал быть только протоколом.

Артём кивнул.

— Биографию.

Воронов перелистнул страницу.

— Руководит частью протокольного контура Зеленина. Имеет постоянный доступ. Работает с перемещениями, внутренними процедурами, допусками. В резиденции в Козине под Киевом — одна из тех, кому не приходится каждый раз объяснять охране, зачем она пришла.

Артём посмотрел на фотографию снова.

— Умная?

— Да.

— Это плохо.

— Для кого?

— Пока не решил.

Он взял снимок.

На первый взгляд в Алесе Поляковой не было ничего, что позволяло бы понять, почему вокруг неё строится операция государственного масштаба. Именно это Артёму и не понравилось.

Люди, которые выглядели ключами, редко ими являлись.

Настоящие ключи обычно лежали в кармане и ничем себя не выдавали.

— Что у нас на неё?

— Ничего.

Артём поднял глаза.

— Тогда я чего-то не понимаю.

— На неё — ничего.

Воронов положил рядом вторую фотографию.

Мужчина лет тридцати. Дорогая куртка, дешёвая уверенность. Он выходил из ресторана и улыбался кому-то за кадром так широко, как улыбаются люди, ещё не знающие точную сумму своих долгов.

— Максим Поляков, — сказал Воронов. — Младший брат.

— А на него?

— Двести пятьдесят тысяч евро.

— Уже понятнее.

— Албанцы.

— Ещё понятнее.

— «Фиса».

Артём перестал улыбаться.

Это название он знал.

Не потому, что занимался балканской организованной преступностью. Разведчику-нелегалу вообще полезно знать организации, которые способны сломать человеку пальцы раньше, чем выяснят, что перепутали адрес.

— Он у них занял четверть миллиона?

— Не напрямую. Там была цепочка. Неудачная сделка, попытка отбиться, ещё одна попытка отбиться от первой попытки. Классическая финансовая стратегия человека, который считает, что следующая ставка обязательно всё исправит.

— Игрок?

— В широком смысле.

— В узком?

— Тоже.

Артём положил фотографию Максима рядом со снимком сестры.

— И сколько времени ему дали?

— Время уже закончилось.

— Он знает?

— Теперь да.

— Она?

— Тоже.

Вот оно.

Не компромат.

Не идеология.

Не деньги.

Страх за человека, которого нельзя заменить.

Артём посмотрел на Алесю.

— Вы хотите купить её братом.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Хорошо, — сказал Артём. — Тогда сформулируйте красиво.

Воронов подался вперёд.

— Мы хотим дать ей возможность решить проблему, которую она сама решить не может.

— В обмен на проблему, которую она пока не знает.

— В обмен на помощь.

— Вот теперь красиво.

— Поэтому с ней будешь работать ты, а не человек, который говорит «вербовочная уязвимость» при знакомстве.

Артём откинулся в кресле.

— Она любит брата?

— Да.

— Он этого заслуживает?

— Это не имеет значения.

— Для неё — имеет.

— Тогда спросишь у неё.

Артём посмотрел на Воронова.

— Я с ней ещё не знаком.

— Именно.

— И вы уже хотите, чтобы я задавал семейные вопросы.

— Не сразу.

— Через сколько?

— Ты у нас специалист.

— По семейным вопросам?

— По тому, чтобы люди сами рассказывали тебе то, что собирались скрыть.

Это прозвучало почти как комплимент.

Артём снова перевёл взгляд на Алесю.

Капитан СБУ. Президентский протокол. Умная. Наблюдательная. Брат должен четверть миллиона албанскому синдикату.

Слишком хорошая комбинация.

Он не любил слишком хорошие комбинации. В них почти всегда находился человек, который отказывался вести себя так, как предусматривала схема.

— Что именно она должна сделать?

— Не похитить президента, если ты об этом.

— Спасибо. Я начал переживать за распределение обязанностей.

— Тебе нужен доступ к ней. Через неё — понимание внутреннего контура. Потом посмотрим.

— «Потом посмотрим» в плане операции такого уровня звучит бодро.

— План есть.

— Но мне его пока не показывают.

— Тебе показывают ровно столько, сколько нужно сейчас.

— Алексей Николаевич, вы же знаете: эта фраза всегда вызывает желание посмотреть остальное.

— Поэтому остальное лежит не здесь.

Артём улыбнулся.

Воронов — нет.

— Она должна поверить мне?

— Да.

— В кого?

Воронов закрыл папку с фотографиями и достал другую.

На этот раз синюю.

— Вот теперь самое неприятное.

— До сих пор было приятное?

— До сих пор был президент Украины. Теперь будет твоя биография.

Артём посмотрел на папку.

— Моя меня вполне устраивает.

— Этой пользоваться нельзя.

— Жаль. Я к ней привык.

Воронов положил перед ним паспорт.

Австрийский.

Артём не прикоснулся.

Прочитал имя вверх ногами.

THOMAS LANGE.

— Томас, — сказал он.

— Томас.

— Почему не Арнольд?

— Чтобы ты не переигрывал.

Артём взял паспорт.

Фотография была его.

И одновременно не его.

Та же линия подбородка. Те же глаза. Волосы уложены иначе. Выражение лица чуть мягче, чем он позволял себе на российских документах. Человек на фотографии выглядел так, будто никогда не держал оружия, зато однажды уволил своего финансового директора во время десерта.

— Возраст мой.

— Почти.

— Спасибо.

— Австриец. Инвестор. Частный капитал. Недвижимость, инфраструктура, логистика, несколько технологических активов. Часть бизнеса семейная, часть твоя. Вена. Цюрих. Лондон.

— Жена?

— Нет.

— Вы учитесь.

— Две серьёзные связи за последние семь лет.

— Я был счастлив?

— Недолго.

— Правдоподобно.

Артём повернул бокал на столе. Основание оставило мокрый круг на полировке.

Воронов толкнул к нему ещё несколько листов.

Артём просмотрел первый.

Потом второй.

На третьем задержался.

— Это настоящий счёт?

— Да.

— Деньги настоящие?

— Да.

— Наконец-то серьёзная разведка.

— Не трать.

— Тогда зачем давать?

— Чтобы люди, которые захотят проверить Томаса Ланге, обнаружили не папку, подготовленную разведкой, а человека.

Артём перестал шутить.

Он листал дальше.

Компания в Вене. Счета. Налоговые декларации. Старые сделки. Деловые конфликты. Следы жизни.

Не легенда, составленная к операции.

Биография, которую можно было проверять в любом направлении и каждый раз находить что-нибудь ещё.

— Сколько ему лет? — спросил Артём.

— Ланге?

— Да.

— Как человеку или как проекту?

— Как проекту.

— Девять лет.

Артём поднял взгляд.

— Вы готовили его до решения по Зеленину.

— Конечно.

Вот это ему понравилось.

Не потому, что ответ успокаивал.

Наоборот.

Хорошая разведка редко создавала человека под одну задачу. Она выращивала возможности, а потом ждала момента, когда одна из них понадобится.

Артём снова посмотрел на паспорт.

Томас Ланге уже девять лет жил без него.

Платил налоги. Терял деньги. Знал людей, которых Артём ещё никогда не видел.

Теперь предстояло познакомиться с собственной жизнью.

— Кто вводит меня в неё?

— Управление подготовит полный пакет. У тебя будет время.

— Сколько?

— Меньше, чем тебе понравится.

— Тогда наконец узнаю, сколько мне нравится.

Воронов собрал фотографии Алеси и Максима, но Артём накрыл снимок женщины пальцами.

— Оставьте.

— Уже?

— Я работаю.

— Конечно.

Воронов оставил фотографию.

Артём сунул её в синюю папку к паспорту Томаса Ланге.

Получилось почти неприлично символично.

Он этого не прокомментировал.

— Когда Киев?

— Не торопись.

— Вы только что выдали мне австрийский паспорт и женщину из СБУ. Обычно после этого следует аэропорт.

— Сначала тебе надо понять, почему мы торопимся.

Артём посмотрел на мартини.

Лёд в смесительном стакане Воронова уже начал таять. Его собственный бокал оставался почти пустым.

— Я думал, потому что вы решили украсть президента.

— Решение приняли не сегодня.

— Вы это уже сказали.

— А вот время — появилось сейчас.

Воронов достал из ящика стола тонкий прозрачный пакет.

Внутри лежал лист бумаги.

Не распечатка аналитической записки.

Не официальный документ.

Несколько строк букв и цифр, часть которых была перечёркнута чёрным.

Артём не взял пакет.

— Что это?

— Обрывок.

— Чего?

— Сообщения из британского контура.

— Насколько британского?

— МИ6. Британская внешняя разведка.

Артём посмотрел на пакет внимательнее.

Игра только что получила ещё одного участника.

— Источник? — спросил Артём.

— Есть.

— Надёжность?

— Достаточная, чтобы я налил тебе martinis.

— Это начинает превращаться в систему классификации.

— Пользуйся.

Артём наклонился к пакету.

— Расшифровано?

— Частично.

— И что вы там увидели?

Воронов посмотрел на него.

— Резиденция в Козине под Киевом.

Артём не изменился в лице.

Только пальцы перестали вращать ножку бокала.

— Зеленин?

— Да.

— Когда?

— Вот это мы и пытаемся понять.

— Кто ещё видел?

— Те, кому положено.

— То есть слишком много людей.

— Поэтому ты капитан.

— Мы это уже обсуждали.

Воронов развернул к нему лист.

— Есть ещё одно выражение. Повторяется в двух фрагментах.

Артём прочитал.

Два английских слова.

FIFTH ACT.

— «Пятый акт», — сказал он.

— Да.
— Театр?
— Возможно.
— Операция?
— Возможно.
— Название файла?
— Возможно.
— Очень содержательный источник.
— Ты сегодня капризный.
— Я сегодня трезвый.

Воронов посмотрел на пустой бокал.

— Формально уже нет.

Артём снова прочитал две строки.

Козин.

Пятый акт.

Британский контур.

Он не любил обрывки. Обрывки заставляли людей достраивать целое, а люди почти всегда достраивали то, чего боялись больше всего.

— Ваша версия?

Воронов встал.

Подошёл к карте на стене.

Не к Украине целиком.

К Киевской области.

— Если информация верна, — сказал он, — готовится удар по резиденции в Козине.

— Чей?

— Вот здесь начинается версия.

— Люблю версии.

— Особенно чужие.

— Свои приходится проверять.

Воронов повернулся.

— Зеленин должен погибнуть.

Артём молчал.

— После этого, — продолжил генерал, — ответственность должна лечь на Россию.

— Доказательства?

— Пока нет.

— Тогда это не версия. Это направление мысли.

— Назови как хочешь.

— Я называю вещи точно. Это экономит патроны.

Воронов вернулся к столу.

— У нас есть британский источник. Есть резиденция в Козине. Есть Зеленин. Есть признаки подготовки. Есть несколько косвенных подтверждений по другим каналам. И есть окно, которое может закрыться раньше, чем мы поймём всю конструкцию.

— Поэтому вы решили действовать.

— Нет.

Артём поднял глаза.

— Решение действовать было принято раньше. Поэтому мы теперь должны действовать.

Вот это было важно.

Артём несколько секунд смотрел на генерала.

Потом кивнул.

Россия не бросалась похищать президента из-за британской телеграммы.
Машина уже стояла заведённой.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, ваша версия верна. Они быют по Козину, Зеленин погибает, виновата Россия. Зачем?

— Это уже политика.

— А я её не люблю.

— Поэтому объясню коротко.

— За это я вас ценю.

— Мёртвый Зеленин в нужном месте и в нужное время способен сделать больше, чем живой.

— Политики часто обнаруживают это слишком поздно.

— Артём.

— Молчу.

— Его смерть создаёт международный кризис. А если ответственность убедительно повесить на Москву — тем лучше.

— Убедительно?

Воронов помолчал.

— Если Зеленина убьют по чужому сценарию, игра продолжится. Но ходить первыми будем уже не мы.

Артём посмотрел на фотографию Зеленина.

Серый Logo Piana.

Отёчное лицо.

Тёмные мешки под глазами.

На снимке президент выглядел человеком, которому трудно управлять даже собственным утром.

А вокруг него уже строили планы государства.

— И вы хотите вытащить его раньше.

— Да.

— Живым.

— Я уже говорил.

— Люблю хорошие новости повторять.

— Не привыкай.

Артём отодвинул фотографию.

— Если британцы действительно строят такую конструкцию, они будут её страховать.

— Разумеется.

— Значит, у неё есть архитектор.

Воронов ничего не сказал.

Артём заметил это сразу.

— Кто?

Генерал открыл нижний ящик стола.

На этот раз фотографии не было.

Только фамилия на маленькой карточке.

Воронов положил её перед ним.

STERLING

Артём не притронулся к карточке.

Мартини внезапно потерял вкус.

— Ричард? — спросил он.

— Да.

Пауза длилась недолго.

Для любого другого человека — почти незаметно.

Для Воронова — достаточно.

Анкоридж. Август прошлого года.

Снег на дальних вершинах, запах авиационного керосина и американский кофе, который нельзя было пить даже ради легенды. Два президентских борта на одном аэродроме. Слишком много людей, каждый из которых считал, что знает, откуда придёт опасность.

Куприянов тогда тоже так считал.

Потом появился Стерлинг.

Гостиничный коридор. Лифт. Мужчина в тёмном пальто, придерживавший дверь ровно на секунду дольше, чем требовала вежливость.

И глаза.

Спокойные. Внимательные. Слишком внимательные для человека, который оказался там случайно.

Они тогда не представились.

Имя появилось позже.

Ричард Стерлинг.

И осталось. Артём запомнил, как Стерлинг тогда прошёл мимо — и не обернулся. Но что-то в том, как он не обернулся, было хуже прямого взгляда.

— Он меня знает?

— Хороший вопрос.

— Я стараюсь.

— Мы не знаем.

— Плохой ответ.

— Другого нет.

— Тогда будем считать, что знает.

— Почему?

— Потому что обратная ошибка дешевле.

Воронов кивнул.

Вот за это он и вызвал Куприянова.

За привычку считать опасным то, что остальные пока считали вероятным.

— Если Стерлинг действительно в игре, — сказал Артём, — ваша версия может быть неполной.

— Может.

— Сильно неполной.

— Может.

— И вы всё равно отправляете меня.

— А ты всё равно поедешь.

Артём посмотрел на него.

— Это сейчас была попытка психологического давления?

— Нет. Наблюдение.

— Тогда точное.

Воронов собрал бумаги.

Серую папку закрыл первой.

Британский фрагмент исчез во второй.

Паспорт Томаса Ланге остался перед Артёмом.

— Когда? — спросил Куприянов.

— Сегодня начинаешь входить в легенду. Дальше получишь отдельно.

— Киев?

— Скоро.

- Команда?
- Есть.
- На месте?
- Часть.
- Техника?
- Подготовлена.
- Каналы?
- Подготовлены.
- Выход?
- Варианты.
- Не люблю множественное число.
- Полюбишь.

Артём взял австрийский паспорт.

Положил во внутренний карман пиджака.

— Значит, пора.

— Значит, пора.

Воронов посмотрел на него так, словно собирался сказать что-то ещё.

Не сказал.

Вместо этого полез в карман.

На стол легла зажигалка.

Золотая, тяжёлая, старая. Не сувенир и не вещь, которую покупают вместе с запонками, чтобы закончить образ. На корпусе были мелкие царапины. Металл у колёсика потемнел от пальцев.

Артём знал её много лет.

— Это зачем?

— Возьми.

— Алексей Николаевич, если вы начали раздавать имущество, я всё-таки хочу знать диагноз.

— Куприянов.

— Беру.

Он поднял зажигалку.

Щёлкнул.

Колёсико высекло искру.

Огня не было.

Артём посмотрел на Воронова.

— Очень обнадеживает.

— Ещё раз.

Он щёлкнул второй раз.

Появилось ровное жёлтое пламя.

— Кремень сменить не судьба?

— Работает же.

Артём закрыл крышку.

— Именно так обычно начинаются технические катастрофы.

— Вернёшь — поменяю.

— А если не верну?

Воронов посмотрел ему прямо в глаза.

— Вернёшь.

На этот раз Артём не нашёл шутки сразу.

Это случалось редко.

Он убрал зажигалку в карман рядом с портсигаром Morland и поднялся.
На столе остался недопитый martini.

Воронов посмотрел на бокал.

— Не допьёшь?

Артём поправил манжету.

— Теперь уже знаю, куда еду.

— И?

— Предпочитаю начать трезвым.

Он взял синюю папку.

У двери остановился.

— Алексей Николаевич.

— Да?

— Если Стерлинг действительно там, он не будет просто ждать удара по Козину.

— Я знаю.

— Нет, — сказал Артём. — Пока мы оба только думаем, что знаем.

Воронов ничего не ответил.

Артём вышел.

Дверь закрылась мягко.

В коридоре было тихо, прохладно и пахло той особой государственной чистотой, которая достигается большим количеством людей, имеющих право не объяснять, чем они занимаются.

Куприянов пошёл к лифту.

В правом кармане пиджака лежал австрийский паспорт человека, которого он ещё не знал.

Во внутреннем отделении папки — фотография женщины, которая ещё не знала о его существовании.

В другом кармане — старая золотая зажигалка Воронова.

А где-то в Киеве жил президент, которого Москва решила похитить живым.

Лифт пришёл беззвучно.

Артём вошёл и нажал кнопку первого этажа.

Двери начали сходиться.

Он поймал своё отражение в полированной стали: спокойное лицо, безупречный тёмный костюм, человек, которому только что поручили невозможное и который уже мысленно раскладывал невозможное на последовательность вполне решаемых задач.

Это его успокоило.

Артём всегда предпочитал задачи людям.

Задачи, в отличие от людей, обычно вели себя так, как было рассчитано.

Двери закрылись.

Глава 2. Ложь вокруг пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.